

О.С. Евсева (Заборье, Смоленская область)

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА
МАТЕРИАЛЕ СМОЛЕНСКО-ВИТЕБСКОГО
ПРИГРАНИЧЬЯ)**

В основе языковой общности территорий, объединяющихся в смоленско-витебское приграничье, лежит их общее историческое прошлое, которое и порождает национально-культурную идентичность жителей приграничья, проявляющуюся на протяжении долгого времени в культурной, хозяйственной жизни народов данной территории, в антропонимиконе, а также в географических названиях приграничной зоны. Изучение топонимии смоленско-витебского приграничья направлено на выявление национально-культурной специфики русского и белорусского менталитетов.

Историческая языковая общность смоленско-витебского приграничья свидетельствует о некогда едином топонимическом пласте рассматриваемой территории. В последнее время наблюдается появление различий, что усиливает проявление национально-культурной специфики в топонимии.

Ключевые слова: *имя собственное; топонимическая лексика; национально-культурная специфика; русский язык; белорусский язык; смоленско-витебское приграничье.*

В настоящее время неоспоримым является тот факт, что язык развивается вместе с народом, подвергаясь разным изменениям в связи с переменами в жизни самого народа. По мнению Е.Ф. Карского, эти перемены в языке зависят непосредственно от национального характера его носителей, ко-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

торый в свою очередь «налагаетъ извѣстный отпечатокъ и на самый языкъ» [7].

Материалом исследования послужили названия населенных пунктов смоленско-витебского приграничья, представленные в Справочнике по вопросам административно-территориального устройства Смоленской области [2010] и нормативном справочнике «Назвы населенных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» [2009].

Следует сказать что, изменения в языке, в первую очередь, проявляются на лексико-семантическом уровне, который является одним из компонентов структурной организации языка, главной конститутивной единицей которого, по мнению многих ученых, является слово как носитель лексического значения. Именно на лексико-семантическом уровне формируются представления о носителе языка, т.е. о том народе, который населяет или населял определенную территорию, в нашем случае территорию смоленско-витебского приграничья.

Национально-культурная специфика жителей этого региона лучше всего может быть показана через ономастическую лексику, т. к. имена собственные (ИС) – это яркий и существенный признак каждого этноса. ИС всесторонне исследуются именно лингвистами, поскольку «любое наименование вне зависимости от того, к какому объекту живой или неживой природы оно относится (к человеку, животному, звездам, улице, городу, селу, реке, ручью, книге или коммерческой фирме) – это слово, входящее в систему языка, образующееся по законам языка, живущее по определенным законам и употребляющееся в речи» [5].

Ономастическая лексика – тот раздел лексико-семантической системы языка, изучение которого сегодня актуализируется, поскольку «...в ономастиконе отражается культура во всех ее проявлениях, в широком и узком смысле этого слова, но отражается по-разному. С одной стороны, ИС создаются в языке, и в этом отношении главное для их функционирования развитие духовной культуры. С другой стороны, имена собственные как слова живо реагируют на любые факты не только духовной, но и материальной культуры» [9]. Ономастические исследования помогают выявлять пути миграций и места

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

былого расселения различных народов, языковые и культурные контакты, более древнее состояние языков и соотношение их диалектов. Топонимы, особенно названия населенных пунктов в своих основах содержат помимо лингвистических сведений, еще и сведения, отражающие национально-культурную специфику населения территории.

Подчеркнем особо, что ИС являются важными единицами, репрезентирующими связь с культурно-историческими традициями и национально-специфическим контекстом определенного времени; за счет присущей им накопительной функции они фиксируют и сохраняют в своих основах разнообразную информацию: лингвистическую, культурологическую, социальную, историческую, психологическую, этнографическую [8].

ИС представляют собой один из способов языкового воплощения кодов традиционной культуры; они отражают религиозное мировоззрение, верования, то есть обладают значительным информационным культурно-историческим потенциалом, определяющим особенности языковой картины мира народа. Таким образом, своеобразный «культурный код», «код культуры» [1;2] имеют все разряды ИС, но особой культурно-исторической ценностью обладают все, же именно топонимы. Их анализ позволяет выявить элементы традиционной духовной культуры двух народов – русского и белорусского, отражение ценностных приоритетов конкретного лингвокультурного сообщества и особенности мировидения жителей этого региона, эксплицитно воссоздать особенности менталитета как жителей приграничной зоны, так русского и белорусского народа в целом» [3] .

По мнению ведущего ономаста Беларуси А.М. Мезенко, именно культурные коды лежат в основе всей топонимической лексики; ученый, на примере анализа внутригородских названий в некоторых славянских государствах, выделяет 8 кодов культуры, объективирующихся в урбанонимии: 1) топоморфный; 2) антропоморфный; 3) физико-географический; 4) флористический; 5) фаунистический; 6) эмоционально-характерологический; 7) цветовой; 8) темпоральный [10].

Русские ученые также обращают внимание на ИС как «свернутый культурный код». Например, Е.И. Сьянова, исследу-

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

дую названия физико-географических объектов Воронежского Прихоперья, выявляет 9 кодов культуры, реализации которых служит топонимия региона: 1) геофизический (природно-ландшафтный); 2) зооморфный; 3) фитоморфный; 4) локативный; 5) антропоморфный; 6) цветовой; 7) темпоральный; 8) историко-социальный и этноморфный; 9) кванторный [14].

Наша задача состоит в выявлении национально-культурной специфики в топонимической лексике смоленско-витебского приграничья. Как известно, историческая общность смоленско-витебских приграничных территорий породила и их языковую общность.

Однако однозначно говорить о доминирующем влиянии одного из языков в номинировании географических объектов нельзя, так как для обоих языков характерно использование схожих или даже одинаковых основ и словообразовательных средств, отраженных в топонимии. Историческая общность порождает национально-культурную идентичность жителей приграничья, которая на протяжении долгого времени проявлялась в культурной, хозяйственной жизни народов данной территории, в антропонимиконе, а также в географических названиях приграничной зоны.

Интересны древние топонимы, в составе которых встречаются *балтизмы*, имеющие место на всей территории приграничья, так, как обозначения, связанные с природно-географическими признаками реалий (населенного пункта, реки, озера и т. д.), имеют следы влияния языков финно-угорской группы.

Например, д. *Пунище* (Витебский район) происходит от названия пуны «сенной сарай» (< лит. *punia, pune* с тем же значением). Название населенного пункта в основе имеет нарицательное существительное, обозначающее важный предмет в жизнедеятельности человека. В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» дает более подробное определение апеллятива: *пуня, пунька* (новг., твер., ряз., орл., тамб., калужск., смол.) – «поветь, сеновал; сарай; отдельный чулан, плетневая клеть, где складывают всячину, и летом спит хозяин; хлев (зап.)» [Даль 3, с. 538]. В современных смоленских говорах слово *пуня* сохраняется: это и сарай для сена, и кладовая для хозяйственных надобностей, и хлев,

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

сарай для скота. Имеется ссылка на Смоленский областной словарь В.Н. Добровольского [1914], что свидетельствует о стабильности употребления древнего имени нарицательного [ССГ 9, с. 75]. Областным считает слово *пуня* и К.К. Крапива [Крапива 3, с. 131].

В Руднянском районе засвидетельствована д. *Кадо-мы* Руднянского района. Обычно элемент *кадом* сближают с финским *katomaa* в значении «потерянная земля»; также есть предположение, что в основе названия *кадом* лежит финно-угорский апеллятив *кад* «топь, зыбун, трясина», представленный в языке коми [11]. Если обратиться к Словарю В.И. Даля, то следует отметить глагол *ка́дбми́ть* со значением «ходить без дела, слоняться или шататься» [Даль 2, с. 72]. Автор ставит знак вопроса при глаголе, что свидетельствует о неисследованности происхождения глагола, об этом же говорит и неясное ударение. Территория распространения – оренбургские и саранские говоры.

О языковом единстве свидетельствуют и некоторые современные диалектные корни в топонимах смоленско-витебского приграничья.

В Велижском районе есть д. *Гатчино*. В современных смоленских говорах активно слово *гать*: 1) «низкое, заболоченное место; болото». 2) «плотина» [ССГ 3, с. 20]. Те же значения для существительного *гать*, образованного от глагола *гатить* представлены в Словаре В.И. Даля [Даль 1, с. 346].

В Словаре Белорусского языка К.К. Крапивы находим глагол *гаціць* (несов.) с несколькими значениями: 1) «гатить; делать гать»; 2) «запружать, запруживать»; 3) перен. «нерасчетливо тратить» [Крапива 1, с. 298]. Как видим, в белорусском языке слова с корнем *-гать-* литературное.

Много общих для белорусского и русского языков географических названий появилось в советскую эпоху (особенно в 20-е – 30-е гг. XXв.) и является отражением ее идеологии: например, на смоленской территории находим топонимы д. *1-е Мая*, поселок *Льнозавода*, д. *Октябрьская* и др.; на витебской территории – д. *Красная Искра*, д. *Коммунарка*, д. *Ильичевка* и др. Это, несомненно, позволяет говорить о единстве топонимических систем рассматриваемых территорий.

С появлением 1991 году государственной границы между Российской Федерацией и Республикой Беларусь начинают происходить некоторые топонимические изменения. Обратим внимание на один процесс, который активизируется в последнее время и на который обращают внимание многие белорусские общественные, политические деятели и языковеды. Суть процесса состоит в стандартизации топонимических названий и упорядочении их написания на белорусском языке. В частности, I.Л. Капылоў (Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі) считает необходимым проведение именно такой работы по «стандартызацыі нацыянальнай тапаніміі» [6]. Основными принципами передачи русскоязычной топонимии на белорусский язык автор считает транслитерацию (*Савішкі – Савішкі*) и транслитерацию с заменой элементов морфем (*Селэц – Сялёц; Подліпкі – Падліпкі*) [Там же].

Следует подчеркнуть, что, поскольку в Беларуси активизируется употребление белорусского языка, возможно, эти процессы необходимы. Однако, так как в Республике Беларусь два государственных языка, то, возможно, целесообразнее давать два названия – с использованием русских орфографических правил и белорусских. Естественно, так как на территории РФ один государственный язык, подобных процессов не происходит (исключая переименования, о которых следует говорить особо).

Как видим, процессы, происходящие в топонимике России и Беларуси, ведут к объективному обособлению (разъединению) единого топонимического пространства смоленско-витебского приграничья, что с исторической точки зрения не совсем желательно, т.к. в определенной мере нивелируется национально-культурная специфика особого региона приграничья. Однако в настоящее время эта территория находится в границах одного Союзного государства, и, тем не менее, оно представляет собой совокупность разных государственных объединений, что определяет объективность появления разных тенденций в номинировании географических объектов. Этот факт усиливает проявление национально-культурной специфики в топонимии, что, несомненно, связано с усиле-

нием роли и расширением функций белорусского литературного языка в устной и письменной форме.

Итак, как мы показали, детальный анализ населенных пунктов смоленско-витебской приграничной зоны дает возможность выявить общность лингвистической и историко-культурной информации, содержащейся в основах топонимов, воссоздать через этот анализ фрагмент топонимической системы приграничья в истории и современном состоянии и показать, как усиливается проявление ментальности русского и белорусского народов, единых в своих истоках, но в настоящее время проживающих в рамках разных, хотя и дружественных государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, Т.Ю. Коды культуры – ойконимия: проблема взаимосвязи / Т.Ю. Васильева // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города). Сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции (Смоленск, 4-5 октября 2012 г.). – Смоленск: Маджента, 2012. – С. 65 – 69.
2. Васильева, Т.Ю. Принципы номинации населенных пунктов Белорусского Поозерья / Т.Ю. Васильева // На хвалях мовы: да 90-годдзя з дня нараджэння акадэміка М.В.Бірылы. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 10 – 11 верасня 2013 г.). – Мінск: Беларуская навука, 2014. – С. 58 – 62.
3. Васильева, Т.Ю. Репрезентация пространственного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья / Т.Ю. Васильева // Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современность: материалы Международного методического семинара (Смоленск, 1 декабря 2011 г.). Вып. 2. – Смоленск: СмолГУ, 2011. – С. 116 – 120.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт./ В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1955. – 800 с. (Даль)
5. Горбаневский, М.В. В мире имен и названий. / М.В. Горбаневский – М.: Знание, 1987. – 208 с.
6. Капылоў, І.Л. Нарматыўна-правая база руска-беларускай і польска-беларускай перадачы ўласных геаграфічных назваў / І.Л. Капылоў //Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зборнік навуковых артыкулаў – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013. – С. 229-233.

7. Карский, Е.Ф. Белорусы Т.1. Введение в изучение языка и народной словесности./ Е.Ф. Карский. – Варшава: Типография Варшавского Учебного округа, 1903. – 466 с.

8. Королева, И.А. Языковые и культурные контакты в русско-белорусском приграничье / И.А. Королева // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации. Материалы Международной научно-практической конференции (Витебск, 27 мая 2011 г.). – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2011. – С. 261 – 264.

9. Леонович, О.А. В мире английских имен / О.А. Леонович. – М.: Астрель, 2002. – 158 с.

10. Мезенко, А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М.Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Том 24 (63), №2. Часть 1. – С. 388-392.

11. Никольский, А.А. Топонимы Рязанской области / А.А. Никольский – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина., 2009. – 72 с.

12. Русско-белорусский словарь: В 3-х т. – Мн.: БелЭн, – 2002. (Крапива)

13. Словарь смоленских говоров, выпуск 3, 9-й – Смоленск: СГПУ, 1982. (ССГ)

14. Сьянова, Е.И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихоперья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.И.Сьянова ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 2007. – 24 с.

15. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.

16. Справочник по вопросам административно-территориального устройства Смоленской области. Смоленск: «Принт-Экспресс», 2010. – 247 с.